

Степан

ОТКРЫТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА. „АНАТЭМА“.

Вчера открыли свои двери Художественный театр. Конечно, зрительный зал полон, все так же публика первого абонемена и даже всё на тех же местах. «Анатэма» Л. Андреева прослушана залом с напряженным вниманием, но захватывала ли она публику своими большими идеями и грандиозными образами? Ответить трудно. Может-быть сложность пьесы и запутанность ее разбивает ее идеи уменьшая силу впечатления и иногда слышались в антрактах недовольные голоса.

Большой успех имела вторая картина, после которой про-бывали вызывать автора; три следующих картины успеха аплодисментов не имели. Но шестая картина окончилась опять полн. очн. шумными рукоплесканиями, и Л. Андреев выходил несколько раз на дружные вызовы. Тоже по

окончании спектакля: долго не расходившаяся публика несколько раз вызвала автора.

Истинный герой спектакля — г. Качалов. Его исполнение роли Анатомы вызвало всеобщий восторг и восторги.

По окончании спектакля публика устроила артисту заочные овации. Имя его стояло впереди. Кажется что-то ходят парламентеры к директорату театра, прося выпустить Качалова, но правильно было сохранено с ним риторизм.

Очень хороша постановка; и декорация и все массовые сцены.

Два, три хороших момента в исполнении г. Вилневского, но, в общем, образ Давида не хватает на новизнность, ни трогательности;

На „Анатэм“.

Вчера открылся, наконец, свой двери самый любимый и популярный из московских театров — Художественный. Избранная публика первого абонемена — все Москва — с необычайным вниманием прослушала до конца „Анатэму“ Леонида Андреева и во имя своих симпатий к театру, к его колоссальной работе примирилась с тяжелой, существующей впечатлительности, нужно сознаться, скучнейшей Андреевской пьесой... Если бы не замечательная постановка Художественного театра, если бы не гениальная игра Качалова, который по несколько нудистскому, но милому выражению одного изысканного рецензента, прошел в эту вечер „прямо в дамки“, пьеса Андреева встретила бы совершенно круглой мерой аудиторию, прием отрицательный. И в провинции, где нет ни таких певческих средств, ни такой беззаветной любви к делу, как в Художественном театре, где, главное, нет Качалова — „Анатэму“ не может ждать успеха...

Вчера еще пьесу только Качалов, который колоссально вырос после этой роли, показавший стороны своего мощного дарования, разнервничался с необычайной силой и яркостью... Качалов, по милому выражению премьеры и руководителя другого театра, играл не жалея себя и преодолевать задание, вряд ли посильное для кого либо из современных актеров, задание рьяносьмном перелете океана. Если „Анатэма“ будет делать сборы как абонемена, то

только из-за Качалова, которого можно смотреть в этой роли без конца... Из других персонажей были очень тихими г-жи Германова, Бутова и г. Вилневский, проводивший трудную роль Лейзера с большой теплотой, хотя и не одиозно ровни. Очень удалось эпизодический роли г. Баженову (шарманщик), Кузнецову (музыкант), г. Тезапровскому (учитель танцев) г. Салтыкову (Аврам Хесинг); г-жи Халугиной (Соня)... Публика бурно аплодировала постановке и Качалову, которому были поднесены чудные цветы. Много вранья автора, который был с женой и матерью.

„АНАТЭМА“.

Тристан

— Леонид! Андрей! протягивает руку за вѣнком! Гете. А онъ — только Леонид! Андрей! Такъ говорилъ, сердито качая головою, въ атрактахъ.

— Мефистофель, Люциферъ, Демонъ, — и вдругъ Анаتما! Охъ — какой-то «попоз», высококачественный въ этой, гонимой компании дьяволовъ, плебей, который хочетъ быть астрократомъ.

И еще болѣе сердито качая головою и съ унизанною улыбкою на выходящихъ расклавывался авторъ.

— Претендентъ на царскую корону...

Въ этихъ укоренившихся словахъ есть доля справедливого. Кто на своемъ много претендуетъ, непременно подталкиваетъ себя и подъ очень большую требовательность:

— Ты хотѣлъ быть, какъ Гете, какъ Байронъ. Будь же или! Не можешь? А, ты можешь быть, только Леонидомъ Андреевичемъ. Такъ ты побьешь себя камнями нашего преріарха!

Но столько Леонид Андреевъ — уже очень много. Гете останется, конечно, на своихъ неизбѣжныхъ престолахъ. И не суждено Анатамъ безсмертіе, обезпеченное Мефистофелю. Разнымъ

нужно жить мірами. Въ кругу же тѣхъ произведеній поэзіи, какими даритъ насъ обмѣлившая современность, «Анатэма» стоитъ очень высоко, вознесенный надъ урвнемъ и большою вѣжностью своей темы, и большою силою въ ея осуществленіи. Богатая фантазія, пламенный темпераментъ, бующій духъ создали эту трагедію челоуѣческаго безсилія, эту разрывную гордому уму, который, обреченъ на изнѣжаніе того, что единственно имѣетъ истинную цѣнность.

— Гдѣ истина? Гдѣ истина? Гдѣ истина?!! — трижды съ все нарастающею силою отчаянія восклицаетъ Анаتما, когда трагедія уже завершила свой кругъ, и опять приходитъ Анаتما съ ослѣпленным желаніемъ вратъ вѣчности за послѣдними отбѣтами.

«Гдѣ истина?» Въ чемъ же правда жизни, ея вѣчный разумъ? Въ чемъ разгадка ея страшныхъ загадокъ, дѣлающихъ бытіе челоуѣка такимъ мучимымъ? Изъ этихъ вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта, и которые всегда толпили и терзали Леонид Андреева, всегда волею его перомъ и наяву ужасомъ всѣ его произведенія, изъ этого отчаяннаго безсилія попытка и оправдать жизнь, — выростъ и «Анатэма».

Вѣстѣ съ Анатомою студента его создавший въ желѣзные врата и хочетъ заглянуть хоть въ малѣйшую щель въ раздвинувшихся отъ старости воротахъ. И, въ безнадежности, кричитъ!

— Твою печальную жизнь, Давидъ, Лейзеръ, какъ камень изъ пращи, метну я въ горло твое — и дрогнутъ основы высокихъ небесъ! Рабъ мой, Давидъ, твоими устами возвищу я правду о судьбѣ челоуѣка!

Леонид Андреевъ уже не разъ возмущалъ эту правду о судьбѣ челоуѣка. Дѣлать то, между прочимъ написалъ онъ «Жизнь Челоуѣка», выступилъ по обобщенности схемъ жизни челоуѣческой, и по идеямъ своимъ, по тѣмъ основнымъ чувствамъ, которыя дала жизнь «Жизни челоуѣка», эта драма — родная сестра теперь брошенной въ лицо челоуѣчеству «Анатэмы». Во всемъ творчествѣ Леонид Андреева, вообще «окутанныхъ» дѣлѣмъ одной тоски по неразрѣшному и одного ужаса передъ ничемъ, эти двѣ драмы — самыя близкія.

Только въ «Анатэмѣ» чувствуется уже бѣшеніе новой мысли, еще слабѣе, еще неяснее. И, можетъ быть, изъ этой мысли суждено вырасти новому творчеству Леонид Андреева, окрашенному уже не ужасомъ и тоскою, но радостью и ясностью разумѣнія.

Потому что хотя вся трагедія о Давидѣ Лейзерѣ, радующимся людей и побитомъ ими каменьями, и объ Анатамъ богоборствующемъ и дѣлывающемся вѣчной и вѣчной истины, — мрачна и жестока, беспощадно точитъ все в лучшія мечты и всѣ свѣтлыя упования челоуѣка, въ анимѣ ея загорается ибукторый новый свѣтъ.

И точно уже слытсѣ Леонид Андреевъ, апостолъ сатаны, сказать:

— Нѣтъ, не обреченный — челоуѣкъ, и трагедія его бытія — не безвыходная. Есть выходъ, и все разрѣшится въ прекрасную гармонію. Только не тамъ и не тѣмъ средоточіемъ мы его искали и ищемъ.

Въ большой туманъ окутана новая мысль Андреева, новый поворотъ его міросозерцанія и міротношенія, — въ оболочку таинственныхъ словъ, объ иномъ невѣдомомъ онѣ, явныя которыхъ мы не знаемъ, — ибо не положено предѣла расклевыванности огня. Яркій и выразительный въ развитіи своей пессимистической трагедіи, — Леонид Андреевъ тусклъ и блѣденъ въ своей оптимистической идѣ, слабо припавшей къ егѣ послѣдней драмѣ. Этою своею частью «Анатэма» не оставляетъ никакого впечатлѣнія. Тотъ свѣтлѣйшій огонь, на которомъ хочеть обгорѣть почти свою измѣрзшую душу, еще не свѣтитъ въ его драмѣ. И, можетъ быть, вопреки волѣ и намереніямъ автора, «Анатэма» для зрителя — лишь трагедія мрака, ничѣмъ не озаренная, и ужаса, ничѣмъ не побѣжденная.